

Июнь без особых событий перетек в июль.

В наступившем месяце, к счастью, новых бед на класс не обрушивалось, так что мы с Мей продолжали свое странное существование «несуществующих». Лично у меня на душе было мирно и спокойно – совсем не так, как в начале этой новой жизни; однако угроза, что спокойствие может рассыпаться в любой момент, висела над головой постоянно.

Тибики-сан, как и предупреждал, на следующий день после нашего разговора исчез из школы, и до конца июня я его не видел. Дополнительная библиотека в нулевом корпусе все это время была закрыта – скорей всего, Тибики-сана просто нечем было заменить.

Позже мне довелось узнать, что за «кое-какие дела» заставили Тибики-сана уехать из города. У него были жена и дети, которые уже давно жили отдельно – в Саппоро, на родине жены. Она ему позвонила, и он отправился на Хоккайдо.

Каких-то деталей я так и не узнал, но легко могу вообразить. Вполне возможно, что его семья жила вдалеке от него именно из-за «феномена», для «наблюдения» за которым Тибики-сан окопался здесь, в Северном Ёми. Не из-за того, что они плохо ладили, – наоборот, он отослал жену и детей подальше, за пределы «дальности действия», чтобы полностью исключить даже малейший шанс, что их достанет «катастрофа». Или еще по каким-то похожим причинам.

Ладно, это в сторону...

Пару дней назад совершенно неожиданно прояснился один факт. Информация пришла от Мей.

- Вчера на выставку заглянула одна из моих семпаев. Ее зовут Татибана-сан, я ее знала по кружку рисования. Она закончила нашу школу два года назад. И тоже училась в три-три. Ей нравятся куклы, поэтому она заходит время от времени. Но я ее не видела уже довольно давно.

Я впервые услышал от Мей, что у нее есть такая знакомая. Не обращая внимания на мое легкое удивление, Мей продолжила:

- Думаю, до нее дошли слухи о том, что у нас происходит, и...

- Хочешь сказать, она пришла, потому что волновалась за тебя?

На мой вопрос Мей неопределенно опустила голову – то ли кивнула, то ли нет.

- Скорее всего, ей не хотелось ввязываться, но все равно слухи ее тревожили, и в итоге она пришла... как-то так, мне кажется, – сообщила она мне свою точку зрения. – Слухи, думаю, идут от Мотидзуки-куна. Она держалась так, будто знала, что в этом году у и есть «несуществующая». Но никакого совета она мне не дала, ничего. И вела себя очень нервно... Так что я сама задала ей пару вопросов.

Первый вопрос был о «лишнем» (то есть «мертвом»), проникшем в класс два года назад.

Мей спросила о нем у Татибаны и упомянула имя «Мами Асакура», которое мы нашли в папке Тибики-сана. «Ты помнишь такую девушку в своем классе?»

Ответ был, в общем, тот же, что дал Тибики-сан: «Нет, не помню». Потом она неуверенно

добавила: «Но когда все закончилось, я слышала, что была девочка с таким именем...» Короче, воспоминания, относящиеся к «мертвому», у нее, бывшей ученицы класса три-три, действительно пропали.

Второй вопрос был про ученика, который «не существовал» в том году.

«Какой он был? – спросила Мей в лоб. – «Катастрофы» начались, потому что он в середине года нарушил «решение» класса, да? И что с ним случилось потом?»

– Она ответила, что это был парень, которого звали Сакума-сан. Судя по всему, он всегда был тихий и незаметный, – таким же отстраненным, как и всегда, голосом Мей стала пересказывать факты, услышанные от семпая. – Этот Сакума-сан отказался «не существовать» вскоре после начала второго триместра. После этого, в первых числах октября, начались «катастрофы». Люди умирали и в ноябре, и в декабре, а потом... после Нового года Сакума-сан покончил с собой.

– Покончил с собой... аа.

– Мне не удалось спросить, что было потом. Но, судя по всему, он и стал «жертвой января» в 96 году.

Разговор этот состоялся в середине дня, когда дождь на время угомонился. Мы спустились к берегу реки Йомияма и беседовали, глядя на текущую мимо нас прохладную воду. Никто из нас не предложил другому прямо, но по окончании большой перемены мы вместе покинули школьную территорию.

Где-то к концу шестого урока мы вернулись через задние ворота. Как только мы вошли, на нас тут же кто-то заорал:

– Эй! Что это вы там делаете!

Физрук Миямото-сэнсэй – тут же определил я. Видимо, он заметил нас издалека и принял за обычных прогульчиков. И тут же побежал к нам.

– А ну стойте! Где вы были в это время д-...

В этот момент он резко остановился и взгляделся в нас внимательнее; на лице у него было написано: «Стоп, минуточку». Остальную часть своей тирады он проглотил.

Я совсем чуть-чуть, самую малость кивнул, и Миямото-сэнсэй смущенно отвел глаза. Потом вздохнул и произнес:

– Вам обоим наверняка трудно приходится. Однако я не могу потворствовать тому, что вы покидаете пределы школы. Вы должны это прекратить.

2

Наконец-то я решился снова расспросить Рейко-сан. Я долго мучился в бесплодных размышлениях и понял, что просто не могу молчать и дальше.

Это был – ну да – последний субботний вечер июня.

– Эээ, я тут недавно узнал кое-что от библиотекаря, Тибики-сана, – вдруг обронил я, чтобы остановить Рейко-сан, которая после ужина как раз собралась молча удалиться к себе в домик.

На присутствие бабушки с дедушкой я махнул рукой.

- Мм, я слышал, что... когда ты заканчивала среднюю школу и училась в классе три-три, это был «такой» год.

- ...«Такой» год?

До этого момента лицо Рейко-сан было расслабленным и безмятежным, но тут по нему прошла тень настороженности... а может, мне показалось.

- Ну, год, когда в классе появляется непонятный «лишний», а потом с людьми начинаются разные «катастрофы». В смысле, каждый месяц умирает кто-то связанный с классом. Так называемое «проклятие класса три-три». Ты ведь знаешь об этом, да, Рейко-сан?

- А... ну да, ты прав, - сипло ответила Рейко-сан, потом, сжав правую руку в кулачок, постучала себя по голове. - Да. Это и происходит.

В последний раз я так вот нормально разговаривал с Рейко-сан очень давно. Естественно, я дико нервничал, и она наверняка тоже.

- Прости, Коити-кун. Прости, - медленно покачала головой Рейко-сан. - Ничем тебе не могу помочь...

Мое воображение само наложило мамино лицо, которое я видел в альбоме, на посеревшее лицо Рейко-сан. Из всех сил пытаюсь успокоить жар, поднявшийся в сердце, я сказал:

- Я хочу спросить, что было пятнадцать лет назад. Когда мама меня родила, а потом здесь умерла... Это ведь была одна из «катастроф» того года?

Ни соглашаясь, ни возражая, Рейко-сан повторила:

- Прости, Коити-кун.

Я раньше уже как-то пытался поговорить с Рейко-сан о событиях пятнадцатилетней давности. Тогда-то я и узнал, что она, как и мама до нее, училась в классе три-три.

«У вас там говорили про «проклятие класса три-три» или что-нибудь вроде того?»

Рейко-сан тогда отмахнулась от моего вопроса: «Это было пятнадцать лет назад. Я все забыла».

Придуривалась она? Или же ее воспоминания о том времени действительно затуманились? В обычной ситуации я бы сказал, что первое, но сейчас понимал, что и второе вряд ли можно сбрасывать со счетов. Как объяснил Тибики-сан, память людей нельзя назвать хорошей, когда дело касается этого «феномена». Да еще и у разных людей это проявляется с разной силой.

- Ну так что, Рейко-сан? - я тем не менее продолжил насесть. - Как ты думаешь, что там было?

- ...Не знаю.

- Ну же, Коити-тян. Почему ты вдруг про это вспомнил? - спросила бабушка. До сих пор она слушала, молча убирая со стола, но теперь остановилась, и ее глаза расширились.

Бабушка, скорее всего, ничего не знает - так мне подумалось. И даже в том маловероятном

случае, если кто-то когда-то ей рассказывал, ее воспоминания наверняка со временем потускнели...

- Бедненькая...

Внезапно свое долгое молчание нарушил дедушка. Его худые плечи задрожали, голос застрял в горле, будто дедушка боролся со слезами.

- Бедненькая Рицко. Бедненькая... Рицко... и Рейко...

- Хватит уже, дед.

Бабушка поспешила к нему и принялась поглаживать по спине, успокаивая, как ребенка, устроившего истерику.

- Нельзя так думать. Ну воот, воот. А теперь пойдика вон туда и отдохни.

В моем воображении на голос бабушки наложились пронзительные вопли майны Рей-тян: «Бодрее... давай бодрее!»

Бабушка взяла дедушку за руку и помогла встать. Они медленно вышли из комнаты, и тут -

- ...Насчет того года, - наконец ответила Рейко-сан. - Я на самом деле не знаю, что именно было с Рицко. Но... не знаю, но, по-моему, тогда это остановилось на середине.

- Остановилось? - изумленно переспросил я. - В смысле, «катастрофы» в том году?

- Да...

Она слабо кивнула и снова постучала себя по голове.

«Катастрофы», раз начавшись, почти никогда не прекращались на полпути. Когда Тибики-сан это сказал, у меня родился вопрос. Если слова «почти никогда» означают «нельзя утверждать, что такого совсем не бывало», значит, должен быть «случай, когда они прекратились на полпути». То есть -

Неужели этот редчайший случай пришелся как раз на тот год, когда Рейко-сан была в третьем классе? Пятнадцать лет назад?

- Почему? - я был не в силах сдержать возбуждение, слова посыпались сами собой. - Рейко-сан, почему «катастрофы» в тот год прекратились?

Но она ответила уклончиво:

- Бесплезно... всё как в тумане. Ничего не помню.

Еще несколько раз она постучала себя по темени, потом вяло покачала головой.

- О... но знаешь что? Что-то точно произошло летом того года...

Ничего большего вытянуть из Рейко-сан тем вечером мне не удалось.

За остаток июня я дважды побывал в Мисаки, в «Пустых синих глазах в сумраке Ёми».

В первый раз – после того как побывал в городской клинике и там мне проверили легкое.

Я заплатил за вход, посмотрел кукол наверху, потом спустился в подвал; однако Мей я там не встретил. Я не сказал ей, что собираюсь прийти, так что даже не знал, дома ли она. Просить старуху – «бабушку Аманэ» – передать Мей, чтобы она спустилась, я не решился и удовольствовался тем, что рассмотрел несколько новых творений Кирики-сан и ушел чуть менее чем через час.

Даже как-то странно – прийти сюда и не встретить Мей... Такая мысль меня в тот день посетила.

Второй раз был в последний день июня – вечером 30 числа, во вторник. Меня пригласила Мей, когда мы с ней шли из школы.

Мы не стали подниматься на третий этаж, в квартиру. И Кирику-сан я не видел. Мы сидели на диванчике на первом этаже выставки, где по-прежнему не было ни одного посетителя.

Впервые я попробовал чай, приготовленный для нас бабушкой Аманэ. Он был намного, намного вкусней, чем баночный, – это уж точно.

– Завтра начинается июль, – Мей заговорила первой. Думаю, вполне можно было угадать за этими словами что-то вроде: «Скоро настанет момент истины, наконец-то».

Я и сам это прекрасно понимал, но предпочел уклониться от темы.

– На следующей неделе trimestровые экзамены... У тебя все будет нормально?

Мей поджала губы немного обиженно.

– Не тот вопрос, о котором должны волноваться те, кого «нет».

– Это, конечно, так, но...

– Хочу как-нибудь увидеть твой дом, Сакакибара-кун.

Я замаялся, пытаюсь найти ответ на ее очередное внезапное заявление.

– Эмм, в смысле – стоп – мой дом в Токио?

– Нет, здесь, в Ёмияме, – Мей качнула головой и медленно прищурила правый глаз. – Дом, где выросла твоя мать, в Фурути.

– Эээ... а зачем?

– ...Затем.

Вскоре мы с Мей спустились в подвал. Вновь играла унылая струнная музыка. Может, даже та самая, которая играла в мае, когда я пришел сюда впервые.

В комнате, как всегда, царил могильный холод. Куклы и их разнообразные части были здесь, там, повсюду. У меня почти уже не было ощущения, что я должен дышать за них. Похоже, я и правда привыкал.

Прямо по курсу, у дальней стены комнаты, завешенной темно-красной портьерой, стоял черный шестиугольный гроб. Мы подошли к нему, и Мей, не произнося ни слова, развернулась ко мне. Она стояла, заслоняя собой куклу в гробу – куклу, так потрясающе похожую на нее...

Мей прикоснулась кончиками пальцев к повязке на левом глазу.

- Я это уже снимала здесь один раз, помнишь?

- А... ага.

Левый глаз под повязкой, который я увидел в тот день... Конечно, я его помнил, и совершенно отчетливо.

Пустой синий глаз.

Она тогда открыла мне искусственно блестящий синий глаз, точно такой же, как в глазницах у кукол...

...Почему?

И сейчас, ни с того ни с сего – почему?..

Не обращая внимания на мое замешательство, Мей сняла повязку и закрыла правой ладонью правую половину лица. На меня неподвижно смотрел лишь левый, синий глаз.

- Я потеряла левый глаз в четыре года, – губы Мей задрожали, выпуская в комнату бледный призрак ее голоса. – Я этого почти не помню. В глазу росла раковая опухоль, и ее пришлось удалить хирургически... Когда я очнулась, глаза уже не было.

Я был не в силах что-либо произнести – лишь стоял столбом и смотрел на ее лицо.

- Сначала они испробовали на моей глазнице множество разных искусственных глаз. Но мать говорила, что они все некрасивые... И поэтому она сделала для меня специальный глаз. «Глаз куклы».

...Пустой синий глаз.

- Знаешь, тебе вовсе необязательно его прятать, – слова выскочили сами, я вовсе не хотел их произносить. – По-моему, твой глаз и без повязки красивый.

Уже произнеся это, я смутился и вздрогнул; мое сердце заколотилось с удвоенной силой. Прочешь выражение лица Мей, стоящей прямо передо мной, я не мог – видимо, потому что она закрывала пол-лица правой рукой.

«Слева у меня – глаз куклы».

Слова, произнесенные Мей при первой нашей встрече здесь, прозвучали у меня в голове.

«Он видит то, что лучше бы не видеть, поэтому обычно я его закрываю».

Внезапно меня охватило какое-то непонятное предчувствие.

Что это вообще значит? В тот раз я совсем ничего не понимал. Но что сейчас? Сейчас дела обстояли немного по-другому. Так мне подумалось.

Она может видеть то, что лучше бы не видеть.

То, что лучше бы не видеть...

Я захотел спросить, что именно она видит, но справился с этим желанием. У меня возникло смутное ощущение, что когда-нибудь наступит подходящее время для этого вопроса.

- Позже я узнала, что во время той операции я чуть не умерла, - Мей по-прежнему прикрывала рукой правый глаз. - По правде сказать, то, что со мной тогда произошло, оставило во мне свой след. Ты мне веришь?

- Эээ, в смысле, ты до сих пор помнишь, как умирала?

- Всего лишь кошмары больного четырехлетнего ребенка. Вполне достаточно, если ты будешь воспринимать их так.

Несмотря на эти ее небрежные слова, голос Мей звучал очень серьезно.

- Не думаю, что смерть добра. Люди все время толкуют о «легкой смерти», но это не так. Там одиноко и темно... так одиноко и темно, как нигде в мире.

- Одиноко и темно...

- Да. Но ведь жизнь такая же, согласен? Как ты считаешь?

- ...Может, и так.

- В конечном итоге, я - это все, что у меня есть. И речь не о том, что было, когда я только родилась... а обо всей жизни от рождения до смерти. Понимаешь, о чем я?

- ...

- Как бы крепко люди ни были связаны друг с другом на первый взгляд, на самом деле каждый из нас - один. Я, моя мать... и ты тоже, Сакакибара-кун.

Чуть помолчав, Мей закончила свою мысль:

- И она тоже... Мисаки.

Мисаки? Она про Мисаки Фудзиоку?

Так звали двоюродную сестру Мей, умершую в городской больнице в конце апреля.

В голове у меня тут же, как по заказу, всплыла сцена моей первой встречи с Мей - в больничном лифте. Такая четкая, будто это произошло лишь вчера.

4

В общем, июнь кончился, июль начался.

В наступившем месяце, к счастью, новых бед на класс не обрушивалось[1]. Но, по-моему, атмосфера в классе с каждым днем становилась все более наэлектризованной - что, надо полагать, вполне естественно.

Два человека, относившихся к классу, – Мидзуно-сан и Такабаяси, – уже умерли в июне. Теперь, когда начался новый месяц, будут ли еще смерти? Это станет важнейшим тестом, который даст понять, эффективна ли беспрецедентная «мера», при которой «несуществующих» становится двое.

И тем не менее –

Странная жизнь, которую вели мы с Мей, шла своим чередом, никак не меняясь – по крайней мере с виду.

За миром и спокойствием пряталась угроза, что все может в любой момент развалиться, и мы были бессильны предсказать, когда. Но тем не менее – это спокойствие было максимумом того, чего мы только могли желать. Оно держало на своей холодной ладони одиночество и свободу, предназначенные лишь нам двоим...

На второй неделе июля прошли триместровые экзамены.

Все девять предметов заняли три дня, с 6 по 8 число. Обычный ритуал, позволяющий с легкостью ранжировать учеников по уровню достижений (или отсутствию таковых). Скучный и унылый.

Отношение к экзаменам как к «унылым», кажется, у меня появилось впервые. И это несмотря на то, что, как один из «несуществующих», я вроде бы должен был либо открыто возмущаться, либо, наоборот, полностью расслабиться. А у меня ни того, ни другого не получалось.

И я знал, почему.

Я помнил, что произошло во время промежуточных экзаменов в мае. Помнил лучше, чем мне хотелось бы. Трагедию, случившуюся с Юкари Сакураги в последний день экзаменов. Кошмарное зрелище, свидетелем которого мне не повезло оказаться.

Страшные воспоминания, возможно, в той или иной степени угнетали и Мей. На этот раз она вопреки своему стилю ни разу не сдала бланк на середине экзамена. И я тоже.

Работает новая «стратегия» или нет?

Под грузом этого вопроса мы невольно вели себя в школе немного серьезнее, чем раньше. Мы осторожничали как могли и усиленно старались стереть свое присутствие в классе; и остальные еще тщательнее, чем прежде, игнорировали нас, как будто нас «не было».

В июле тревога грызла нас всех несравнимо сильнее, чем в июне. И чем сильнее она нас грызла, тем отчаяннее мы молились, чтобы месяц прошел тихо. Уверен, этого хотел весь класс, все до единого.

Однако «молитва», если ее повторять достаточно долго, превращается в простую «надежду»...

Тревога, нетерпение, раздражение нарастали с каждым днем. Но даже посреди всего этого – нет, возможно, потому что я был посреди всего этого – время от времени я ощущал какую-то необъяснимую легкость.

Мир и покой.

Одиночество и свобода только для нас двоих.

И мысль, что, если я только пожелаю, чтобы все так и продолжалось, – все так и будет продолжаться. Конечно, будет. Точно так же... да. Девять месяцев, до самого нашего выпуска в марте, все точно так же, как сейчас, неизменно.

...Однако.

Реальность «мира», в котором мы очутились, была не настолько благожелательна, чтобы эта ленивая фантазия могла воплотиться в жизнь.

Триместровые экзамены завершились без происшествий; мы плыли по календарю; и вот, когда всего неделя осталась до летних каникул, в один прекрасный день третьей недели июля –

Мир, с таким трудом продержавшийся чуть больше месяца, с 6 июня, когда умер Такабаяси, разбился, точно стеклянный сосуд.

5

13 июля. Понедельник.

С тех пор, как я стал «не существовать», я пропускал процентов девяносто утренних классных часов. Как правило, я проскальзывал в класс перед самым началом первого урока, и Мей поступала так же.

Но в то утро как-то так вышло, что мы с ней, хоть и не сговаривались, оба пришли в класс рано. Разумеется, ни с кем не говоря и не встречаясь глазами.

Впервые за довольно приличное время мне захотелось почитать что-нибудь из своего любимого, и я положил нашедшуюся у меня мягкую книжку на колени. Это был сборник рассказов Стивена Кинга, который я раньше не читал (для протокола: я взялся за «Мясорубку»). С того дня, когда я своими глазами увидел настоящую смерть, прошло уже больше месяца, и ко мне наконец хоть отчасти вернулась способность отделять такого рода произведения от реальности и получать от них удовольствие. Благодаря этому я самому себе показался страшно крутым, должен заметить...

Лишь накануне синоптики объявили, что сезон дождей в нашем регионе завершился.

Погода была шикарная – даже утром ни облачка на небе. Яркое солнце будто зывало к нам, давая понять, что пришло настоящее лето. Ветерок, продувающий класс через открытые окна, был суше, чем на прошлой неделе, и куда приятнее.

Всякий раз, когда я кидал взгляд на Мей, сидящую на своем обычном месте (за последней партой в ряду у окон), она казалась «тенью» со смазанными из-за вливающегося снаружи света очертаниями. Совсем как в первый раз, когда я пришел в класс в мае... Но нет – она не была тенью. Она по-настоящему, физически была здесь. Неужели прошло уже два месяца?

Прозвенел звонок; секунду спустя передняя дверь класса открылась, и вошел Кубодера-сэнсэй.

Он был в скучной белой рубашке, как всегда. Из-за своей осанки он казался каким-то неуверенным, тоже как всегда. Все как всегда... Так я думал, лениво разглядывая его, когда на меня вдруг накатило странное ощущение.

Кое-что было не как всегда.

Кубодера-сэнсэй всегда носил аккуратно завязанный галстук, но не сегодня. На короткий утренний классный час он всегда приносил лишь список класса, но сегодня он явился, осторожно держа в руках черный саквояж. Его волосы, всегда опрятно уложенные на косой пробор и смазанные гелем, сегодня были растрепаны...

Я смотрел на Кубодеру-сэнсэя, стоящего на учительском возвышении лицом к нам, и замечал все больше странностей. Его лицо было каким-то пустым. Как будто он ничего не видел, даже то, что прямо перед глазами. И плюс ко всему -

Даже со своего места я видел постоянное подергивание кожи лица в одном месте.

Дерг... дерг... дерг. Как будто там был какой-то спазм мышц. Тик, что ли? Это движение казалось каким-то патологическим, ненормальным.

Я понятия не имел, сколько народу, кроме меня, заметило, в каком состоянии был наш классный, и заподозрили они что-либо или нет. Мы уже расселись по местам, но отголосок доурачной суматохи еще витал в кабинете.

- Ребята... - заговорил Кубодера-сэнсэй, опершись обеими руками на кафедру. - Доброе утро.

Его приветствие тоже показалось мне странным. Напряжение его лица словно передалось и голосу.

Миками-сэнсэй с ним не было. Сегодня вроде у нее не выходной; с другой стороны, она не на каждый наш классный час приходит, так что...

- Ребята, - повторил Кубодера-сэнсэй. - Сегодня я должен перед всеми вами извиниться. Сегодня утром с этого самого места я говорю: я в долгу перед вами...

Вот тут-то гул голосов в классе сменился мертвым молчанием.

- Я просил вас всех трудиться плечом к плечу, чтобы вместе закончить год в марте в добром здравии. Я тоже прилагал все усилия. Несчастья начали происходить уже в мае, однако я сказал себе, что как-нибудь все образуется.

Даже пока Кубодера-сэнсэй говорил, его взгляд ни разу не обратился на учеников. Пустые глаза смотрели куда-то в пространство.

Он поставил принесенный саквояж на учительский стол. Потом продолжил говорить, открыв саквояж и копаясь в нем правой рукой.

- Что бы ни принесло вам будущее - это ваше дело.

Вот точно таким же тоном он читал нам выдержки из учебника. Сам по себе его голос звучал так же. И все-таки...

- Действительно ли, когда это началось, оно уже не остановится, что бы мы ни делали? Или можно как-то положить этому конец? Я не знаю. Не знаю. Откуда я могу знать? И, по правде сказать, почему меня это должно заботить? А, но, конечно, как классный руководитель я обязан вместе с вами работать, чтобы преодолеть все бедствия и дожить до марта в добром здравии. Даже сейчас я все же... все же я... я...

Голос, не так уж сильно отличавшийся от обычного.

Сейчас он начал все сильнее дрожать, слова стало трудно разбирать. Едва я так подумал, как в этом голосе произошла разительная перемена. Слова, рвущиеся изо рта Кубодеры-сэнсэя, сломались. Рассыпались. По-другому и не опишешь.

«Анн», «ггее», «нкхее» и еще черт знает что... Если попытаться это написать на бумаге, получается так комично. Но тогда он вдруг начал испускать эти странные звуки, которые просто не может издавать нормальное человеческое существо. Все остальные смотрели, остолбенев и даже не пытаясь понять, что он там говорил.

Кубодера-сэнсэй медленно извлек правую руку из саквояжа, стоящего на столе.

Он сжимал предмет, абсолютно несовместимый с учебным кабинетом средней школы.

Что-то... с заостренным серебристым лезвием. То ли охотничий нож, то ли кухонный. Что-то в этом роде. Даже с моего места он был виден совершенно четко.

Мы все по-прежнему отчаянно и безуспешно пытались понять, что происходит. Что вообще наш классный затеял, что так нечленораздельно блеет и достает нож?

Всего пару секунд спустя весь класс узнал ответ на этот вопрос, нравилось нам это или нет.

Среди поднимающегося ропота Кубодера-сэнсэй издал какой-то совершенно нечеловеческий, жестокий вопль и полоснул ножом по собственной шее.

Вопль перешел в протяжный вой.

Ропот класса рассыпался на отдельные крики.

Поперек горла Кубодеры-сэнсэя открылась глубокая, идеально ровная рана, из которой брызнула алая кровь. Ужасающий фонтан крови – на миг он показался какой-то дурной шуткой. Те, кто сидели на первых партах, попали под этот фонтан. Одни повскакали с мест, опрокинув стулья, и отпрянули назад, другие застыли, не в силах даже шевельнуться.

Кубодера-сэнсэй, похоже, перерезал себе не только артерию, но и гортань – издаваемый им звук быстро перестал быть «воем» и стал «сипением». Рука, сжимавшая нож, рубашка, лицо – все стало ярко-алым от крови.

Даже в таком состоянии Кубодера-сэнсэй продолжал стоять на ногах, опираясь о стол левой рукой. Посреди кровавой маски лица виднелись широко распахнутые пустые глаза...

Вдруг в этих глазах вспыхнула искра, и я ощутил на себе его взгляд. Полный... да, это было похоже на ненависть.

Но все это длилось лишь мгновение.

Кубодера-сэнсэй снова поднял правую руку и ткнул окровавленным ножом в шею еще сильнее, чем в первый раз.

Кровь хлестала безостановочно.

Дважды перерезанная шея не выдержала, и голова откинулась назад. Широкая рана ухмылялась, словно распахнутый рот какой-то непостижимой твари. И все же нож так и не вывалился из руки Кубодеры-сэнсэя – даже когда все его тело закачалось. Но потом... наконец.

Он упал.

Скатился с учительского возвышения.

И остался лежать неподвижно.

После этого гротескного спектакля в классе повисла мертвая тишина. Секунда – и она рассыпалась. Лавина голосов заполнила кабинет. Я бездумно встал и пошел туда, откуда было лучше видно тело Кубодеры-сэнсэя.

Томохико Кадзами по-прежнему сидел за своей партой в первом ряду; его так трясло, что я почти слышал дребезжание его стула. Его очки были заляпаны кровью, но он не пытался ни протереть линзы, ни хотя бы встать с места. Девушка рядом с ним сумела выбраться из-за парты, но тут же бессильно упала на пол. Еще одна согнулась за партой, сжав голову руками, и без умолку визжала. Рядом парень на четвереньках издавал какие-то придушенные звуки...

...В следующий миг.

Передняя дверь класса справа от меня с грохотом распахнулась, и кто-то вбежал.

Почему он здесь?.. Я не смог сдержать удивления. Черная одежда, растрепанные волосы... В общем, это был Тибики-сан, библиотекарь.

- Все вон из класса!

Видимо, он понял, что спасти Кубодеру-сэнсэя поздно, едва взглянул на неподвижное окровавленное тело. В его сторону он даже не шагнул.

- Просто выходите! Быстро, давайте! – громко приказал он. Потом повернулся к двери, в которую только что вбежал, и позвал: – Миками-сэнсэй!

Я увидел, что она стоит в коридоре и заглядывает в класс с выражением ужаса на лице.

- Миками-сэнсэй! Немедленно вызовите полицию и «скорую»! Пожалуйста!

- Д-да.

- Кто-нибудь поранился? – спросил Тибики-сан покидающих класс учеников. – Похоже, что нет... Если кому-нибудь плохо или станет плохо, сразу скажите. Не держите в себе. Мы тут же отправим вас в медпункт.

Его взгляд упал на меня.

- А, Сакакибара-кун. Ты?..

- Я... в порядке, – я прижал руки к животу и повторил: – Я в порядке, правда.

- Идем, Сакакибара-кун, – раздался голос у меня за спиной. Мей, тут же понял я.

Обернувшись, я увидел, что ее лицо бледней обычного. Конечно же, такое с неба свалившееся происшествие кого угодно ошарашит. Конечно, но все же...

Тело Кубодеры-сэнсэя лежало на полу, даже не подергиваясь. Мей перевела на него взгляд, и что-то в этом взгляде напомнило мне то, как она смотрела на полчища кукол в «Пустых глазах».

в сумраке Ёми»...

- ...Похоже, не сработало, - прошептала Мей. - Даже когда они сделали больше «несуществующих», это не помогло.

- ...Не знаю.

- Вы двое - тоже идите отсюда. Давайте.

Тибики-сан мягко вытолкнул нас в коридор, где мы встретились взглядами с некоторыми из тех, кто вышел раньше. В их числе была Идзуми Акадзава (которую выбрали старостой после смерти Юкари Сакураги) со своей свитой.

Их лица были бледнее белого, однако девушки все как одна зло посмотрели на нас с Мей. Они не произнесли ни слова. Но...

«Это вы во всем виноваты».

Чувство было такое, будто они могут выплюнуть это обвинение в любую минуту.

6

Позже я узнал, что Кубодера-сэнсэй вел себя подозрительно все утро.

Сидя в учительской, он никак не реагировал на приветствия других учителей и вообще за все время не проронил ни звука. Говорили, что он был полностью погружен в себя, что он был как зомби...

Тибики-сан, по-видимому, встретил его по дороге в школу. Они коротко поговорили, и, по словам Тибики-сана, Кубодера-сэнсэй уже тогда вел себя очень странно - даже опасно.

С болью в голосе он повторял фразы вроде «Я так устал» и «Весь вымотался», вяло пожаловался Тибики-сану «Не знаю, что делать»...

Еще он вроде бы сказал Тибики-сану: «Уж вы-то понимаете». Кубодера-сэнсэй знал, что Тибики-сан когда-то преподавал в Северном Ёми обществоведение и руководил классом 3-3. А когда они разошлись, Кубодера-сэнсэй сказал напоследок еле слышным голосом: «Когда все кончится, будет нужна твоя помощь...»

Естественно, эти слова не давали Тибики-сану покоя. Как же иначе? Ну, так он нам позже сказал.

Вот почему он во время утреннего классного часа направился в корпус С и поднялся на третий этаж - посмотреть, все ли в порядке. И, едва добравшись, услышал вопли и плач учеников класса 3-3...

К тому времени, когда прибыли полиция и «скорая», Кубодера-сэнсэй был уже давно мертв. Они установили, что орудием самоубийства был мясницкий нож, который Кубодера-сэнсэй взял из дома.

- Когда полиция явилась к нему домой, они обнаружили нечто ужасное.

Этой информацией с нами тоже поделился Тибики-сан впоследствии. Он сказал, что много чего узнал у полицейского офицера, который пришел брать у него показания.

- Кубодера-сэнсэй был холостяком и жил вдвоем с матерью. Она была совсем старая; несколько лет назад она перенесла инсульт и с тех пор практически не вставала с постели. Кубодера-сэнсэй не относился к числу людей, которые охотно делятся с другими подробностями личной жизни, и потому мало кто из его коллег был знаком с его семейными обстоятельствами... Так вот, его мать. Когда полицейские вошли в дом, они обнаружили, что она лежит в своей постели мертвая. И не просто мертвая...

Она была задушена подушкой, прижатой к лицу. Явное убийство. Вот что они обнаружили.

Она скончалась в ночь с 12 на 13 число. По мнению полиции, все говорило о том, что держал подушку Кубодера-сэнсэй...

- Они считают, что он предельно устал от постоянного ухода за ней. В конце концов он сам себя загнал в такое состояние, из которого уже не мог выбраться, и убил собственную престарелую мать. Но даже после этого у него было столько вариантов действий. Он мог сдать, он мог попытаться скрыть содеянное. Он мог поставить крест на своей нормальной жизни и сбежать. Но в итоге он выбрал другое: дожидаться утра, прийти в школу и убить себя на глазах у вас всех. Ну, что вы думаете об этом выборе? Просто поступок сумасшедшего?

- Вы хотите сказать, что это очередной кусочек «феномена»? - вырвалось у меня. - Кубодера-сэнсэй был, ну, не знаю - в общем, он не стал бы устраивать такой кошмар. Но его «притянула» смерть?

- Полагаю, это верная интерпретация. Хотя, конечно, доказать ее я не могу, - раздосадованно ответил Тибики-сан, яростно трепля свои и без того растрепанные волосы. - Но, с учетом всех обстоятельств - следует считать удачей, что никто из учеников, находившихся в классе, не пострадал.

Мы разговаривали в дополнительной библиотеке. Дело было во вторник, на следующий день после происшествия; уроки уже кончились. Мей пришла со мной, но сидела как каменная, за все время не издав ни звука.

- В любом случае - это означает, что «стратегия» не работает, - тихо выронил я слова, родившиеся явно с запозданием. - Кубодера-сэнсэй и его мать - она ведь была родственницей в зоне охвата. Они оба - «жертвы июля», так?

- ...Да.

- Значит, новая «стратегия», когда «не существуют» уже двое, накрылась. Она ни черта не изменила. Значит, «катастрофы» правда уже не остановятся - мы правда не можем их остановить?

- К несчастью, похоже на то...

Чувствуя, как меня переполняет уныние, я перевел взгляд с сумрачного интерьера на заоконный мир. Там была яркая небесная синь, пришедшая на смену серости дождливого сезона. Цвет был жизнерадостный почти до отвращения.

«Катастрофы» этого года не прекратились.

Кровавая струя, бьющая из шеи Кубодеры-сэнсэя. Ее цвет даже сейчас окрашивал небо перед моими глазами в красный. Это возникло из ниоткуда и не желало уходить. Я рефлекторно зажмурился.

«Катастрофы» не прекратились.

Люди продолжают умирать.

[1] Это не ошибка - фраза действительно дословно повторяет ту, что стоит в начале главы.

<http://tl.rulate.ru/book/89941/2883812>